

КУЛЬТУРНЫЕ МОТИВЫ В ПОЛЬСКОМ ПЕРЕВОДЕ
КУДА Ж НАМ ПЛЫТЬ? Б. АКУНИНА

CULTURAL MOTIFS IN THE POLISH TRANSLATION
WHERE SHALL WE GO? BY BORIS AKUNIN

JOLANTA JÓŹWIAK

ABSTRACT. The aim of the paper is to present the results of translators' individual choices in the process of conveying cultural-background elements to the target culture. The source material were taken from novel *Where shall we go?* by Boris Akunin and its translation into Polish.

The possibility of transferring specific values such as cultural connotation is discussed in the context of potential readers' reactions.

Keywords: translation, Boris Akunin, cultural-backgrounds elements, cultural connotation

Jolanta Józwiak, Uniwersytet Kazimierza Wielkiego, Bydgoszcz – Polska,
jjozwiak@poczta.onet.pl

Результаты работы переводчика, являющегося посредником между представителями разных культурных пространств, оцениваются читателями и критиками перевода. С перспективы получателя переводческого варианта любого текста особо привлекательными являются те моменты, в которых встречаются элементы, указывающие прямым или косвенным образом на культурную принадлежность. Следует подчеркнуть, что имеются в виду единицы, связанные не только с культурой оригинала и культурой перевода, но также с другими культурными пространствами.

Культурная коннотация как сама по себе ценность проявляется на разных уровнях. Рассматривая компоненты текста, называемые потенциальными носителями чуждости, способные активизировать восприятие чуждости в процессе предполагаемой и фактической рецепции текста, Роман Левицкий указывает на имена собственные, адресативные названия, реалии, словообразовательные, морфологические, синтаксические, графические элементы, а также на жанровые особенности текста [Lewicki 2000: 45].

В статье рассматриваются некоторые из вышеперечисленных элементов, которые идентифицируются читателями перевода как чужие,

инные, однако не всегда их сильная культурная обусловленность позволяет сохранить сходство реакции и ассоциаций у получателей оригинала и перевода [ср. Wojtasiewicz 1996: 22]. Кроме того, надо помнить, что единицы выполняют в тексте разные функции и выступают в контекстуальном окружении, сильно влияющем на их восприятие.

Иллюстративным материалом послужили примеры, почерпнутые из современной русской прозы, а именно из опубликованного в сборнике *Планета вода* (продолжении акунинской серии романов о приключениях Эраста Петровича Фандорина) текста *Куда ж нам плыть?*, жанр которого, по словам Акунина, изобретен им самим и определяется автором в подзаголовке как *идиотический роман*. Избранный материал в ходе анализа сравнивался с переводом на польский язык, сделанным Александрой Окуневской-Стронкой *Dokąd płyniemy? (Planeta woda)*, а поджанр был переведен как *kryminał absurdalny*.

Следует подчеркнуть, что роль переводчика невозможно переоценить, если речь идет о передаче культурных ценностей с помощью языковых средств другого языка, потому что для достижения удовлетворяющего эффекта нужно особое чутье. В литературе по теории и практике перевода многократно подчеркивается, что переводчики должны обладать компетентностью, охватывающей различные аспекты языкового и внеязыкового характера. В контексте оцениваемых читателями и критиками результатов переводческих решений относительно передачи культурно обусловленных элементов можно говорить о культурной или языково-культурной компетентности. Подходящую для переводческих рассуждений дефиницию, хотя сформированную в ходе анализа культурно-национальной специфики идиом, можно найти в известной работе В. Н. Телия по русской фразеологии. По словам исследовательницы, „[к]ультурная компетенция не совпадает с языковой: переключение языковой компетенции в культурную основано на интерпретации языковых знаков в категориях культурного кода. Владение такого рода интерпретацией и есть культурно-языковая компетенция” [Телия 1996: 227].

Приведенное утверждение прямо касается описания культурно-национальной коннотации фразеологизмов, но можно его понимать значительно шире. Ведь переводчик все время имеет дело с интерпретацией языковых знаков оригинала, выявляет сходства и различия в переводческих парах, а потом, выбирая самый подходящий вариант, еще вынужден предвидеть возможную интерпретацию фрагмента читателями инокультурного варианта произведения.

Первым моментом, в котором переводчик выбранного нами текста Б. Акунина сталкивается с проблемой идентификации культурного кода и сохранением культурных ценностей, является само

заглавие. Трудно не подозревать намеренного сходства заглавия *Куда ж нам плыть?* с одной из строк известного стихотворения А. С. Пушкина *Осень*, если автором подвергающегося анализу текста является Б. Акунин, неоднократно позволивший узнать себя как стилизатора (стилиста) и предлагающий читателям многонаправленную интертекстуальную игру. У переводчицы были два основных выхода из сложившейся ситуации: во-первых, доверить читателям, их компетентности, позволяющей идентифицировать фрагмент, а вернее всего, его соответствие в переведенном на польский язык параллельном тексте, и, во-вторых, обеспечить текст сноской, указывающей на сходство.

В общем-то, результаты свидетельствуют в пользу первой возможности, но неоднозначно. Оказывается, что в переводе знаменитого польского поэта Юлиана Тувима анализируемая фраза в строке звучит „Płynię. Nam dokąd płynąć?...”, повторяя русскую синтаксическую конструкцию и отличаясь от современного перевода фразы вне стихотворения, т. е. „Dokąd płyniemy?”. Поскольку нет других намеков на интертекст, трудно оценить, прочитал ли сам переводчик заглавие в интертекстуальном контексте, так как нет прямого отнесения к варианту Тувима, а переводчик предлагает собственный современный вариант фразы, лишенный структурной интерференции. Так или иначе, проблема интертекстуальной компетенции осталась в ведении читателей. Однако следует отметить, что знание творчества А. С. Пушкина намного больше в русскоязычной аудитории, чем в польской. Нельзя также забывать об ассоциациях с заглавием книги известного историка Евгения Анисимова *Куда ж нам плыть? Россия после Петра Великого*, изданной в 2009 году. В книге описаны события из далекого прошлого России, но исходный вопрос остается актуальным и в современном мире.

Заглавный вопрос в качестве композиционной рамки появляется в самом конце произведения Акунина и должен быть последовательно сохранен в таком же виде, как в заглавии. В польском варианте стилистический прием повторяется с учетом графического выделения местоимения курсивом (в польском варианте дополнительные пробелы с обеих сторон), что придает фрагменту более конкретный внутренний смысл, ср.:

— Очень возможно. — В узких глазах картавого блеснула ироническая искорка. — Воспользуемся случаем потолковать наедине и начистоту. А идиоты пускай себе плавают, чегт с ними... Ну те-с, батенька Иосиф Виссагионович, скажите: куда ж нам плыть? [КП: 414];

— Bahdzo możliwe. — W wąskich oczach „Ilicza” błysnęła ironiczna iskierka. — Wykorzystajmy okazję, żeby pohozmawiać w cztehy oczy i bez oghódek. A idioci niech sobie pływają, czoht z nimi... No więc, Iosifie Wissahionowiczu, dohhodzieju: a dokąd my płyniemy? [DP: 471].

В приведенном фрагменте внимание привлекает не столько упомянутая фраза интертекстуального характера, сколько графический облик слов, высказываемых участниками диалога, поручившими совершение кражи, которыми в конце повести оказались известные исторические лица, а вернее всего, их художественные аналоги.

Следует также обратить внимание на запись имени и отчества, так как, по мнению Д. Урбанэк, это один из самых выразительных моментов, в которых обнаруживается выбор переводческой стратегии и интерпретационные намерения переводчика [Urbanek 2004: 159]. Использованный переводчиком облик имени *Iosif Wissarionowicz* — это современный, а не традиционный транскрибированный вариант. Трудно, однако, считать его закрепленным в памяти поляков в отличие от адаптированного полонизированного варианта *Józef Stalin*, что, безусловно, еще углубляет разницу в восприятии в обоих культурных кругах.

Отметим, что указание на первоисточники героев происходит не прямо, хотя и весьма выразительно. Можно сказать, что тайна раскрывается перед глазами читателей постепенно в ходе фандоринского расследования. В анализируемом произведении впервые появляется только замечание, что преступление не типично для Ружеви́ча. Потом Эраст Петрович слышит его разговор по телефону, из которого следует, что убийца должен передать деньги некому Кобачевскому. В дальнейшем во время второй встречи сыщика с бандитом появляется вывод о политическом характере преступления, а, в конце концов, Фандорин прислушивается к разговорам во время встречи политэмигрантов, революционеров, и тут мы узнаем, с кем имеем дело, но также поэтапно.

В тексте сначала появляется заметка о характерных и общеизвестных чертах внешнего вида и особенностях произношения участников упомянутой встречи. Фрагмент не вызывает особых трудностей с точки зрения подбора языковых средств в переводе, ср.:

Там „окопались“ какие-то соглашатели, на которых бранился картавый лысый господин с бородкой, а его сосед, довольно молодой мужчина с длинными усами и кавказским выговором, мягко возражал [КП: 408];

„Okopali się“ tam jacyś ugodowcy, na których wyrzekał grasejący łysy jegośmość z bródką, a jego sąsiad, dosyć młody mężczyzna z długimi wąsami i kawkaską wymową, łagodnie oponował [DP: 465].

Единственную оговорку можно было бы сделать относительно перевода слова *картавый*, в разговорной речи обозначающего того, кто неправильно, нечисто произносит /р/ или /л/ [http://www.efremova.info/word/kartavyj.html#.WS_nBri8qL8]. Вполне адекватное по семантике подобранное переводчиком соответствие *grasejący* (грассирую-

щей) является, однако, термином, и можно предположить, что оно не закреплено в сознании среднего носителя языка как обозначение подобного навыка. Кажется, что в данной ситуации, может быть, более однозначным для потенциального получателя информации оказался бы описательный способ перевода с использованием разговорного определения черты, вроде *mówiący z tak zwanym francuskim „r”*.

Шансы идентификации персонажей на данном этапе ни в коем случае не одинаковы из-за другого культурного и политического наследия. В русскоязычном кругу в контексте выступления против власти и революции уже после такой краткой заметки появляются предполагаемые автором ассоциации, которые дополнены акцентом на отличительные и распознаваемые русскоязычными читателями признаки произношения. В польской среде не так сильно закреплено в сознании получателей представление о деятельности революционеров в России, хотя и известных во всем мире, не говоря уже об особенностях их речи.

Следует подчеркнуть, что до самого конца в тексте не появляются фамилии героев. Возможно, это и символично, потому что в историю они вошли под псевдонимами, и только иногда упоминаются их настоящие фамилии. При описании встречи в последнем разделе называются лишь имена и отчества: *Володя*, только отчество *Ильич*, *Владимир Ильич* и *Иосиф Виссарионович*, именующийся в остальных случаях кавказцем. Характерно, что упоминавшиеся только один раз в конце повести сочетания имени и отчества записаны с учетом особенностей произношения обоих персонажей, т. е. *Владимир Ильич*, *Иосиф Виссарионович*, согласно принятому способу отражения элементов языковой характеристики. Упомянутая манера, касающаяся нечистого произношения звука /р/, отражается в тексте многократно. При создании речевого портрета персонажей, являющихся в вымышленном литературном мире предшественниками Ленина и Сталина, автор использовал предварительные знания воспринимателей текста. Во внетекстовой действительности Владимир Ильич Ленин неправильно произносил *р*, а Иосиф Виссарионович Сталин был грузинской национальности, в связи с чем говорил по-русски с выразительным акцентом, не смягчая согласных перед звуком [е]. Поэтому реплики одного из участников встречи конспираторов содержат графическую замену *р* → *г*, ср.:

– Может быть, лучше кто-нибудь из товагищей депутатов нашей поганой Думы? – стал отнекиваться картавый „Ильич”. Огатор из меня, как вам известно, неважнецкий [КП: 408]

или

– Ну его к чегту, ваш двенадцатый. Год был говёный, на гадость буржуазии. Лично я символически пойду пговожу его в отхожем месте [КП: 409].

В польском переводе попытка отразить манеру происходит с помощью замены $r \rightarrow h$, применяемой в соответствующих принятому принципу, а не в последующих, соответствующих оригинальным единицам, словах. Как утверждает Р. Левицкий, в подобных случаях всякие искажения речи, выполняющие в тексте определенную функцию, могут в переводе передаваться в „непараллельных единицах текста перевода” [Lewicki 1986: 141], и именно с такой ситуацией встречаемся в рассматриваемом фрагменте. В результате отсутствия стилизации в одних местах и компенсации в других текст не всегда получает один и тот же оттенок, ср.:

– Może lepiej ktośyś z towarzyszy delegatów naszej wstętej Dumi? – Grasejujący „Ijicz” zaczął się wymawiać. – Mahny ze mnie, jak wiecie, ohatoh [DP: 466];

– Do diabła z nim, z waszym dwunastym. Nok był pahszywy, hozpanoszyła się buhzuazja. Pójdę go symbolicznie pożegnać w wychodku [DP: 467].

Сходство с историческими персонажами усиливается Акуниным с помощью повторения слов *кавказец* и *картавый*, которые должны у представителей русскоязычного мира вызывать ассоциации с упомянутыми лицами. Отметим, что оба слова по своей семантике не нейтральны, являются оценочными элементами, обладая явно отрицательными оттенками. Польские соответствия *z Kaukazu*, *Kaukazczyk* или *grasejujący* не вызывают настолько сильных ассоциаций отрицательного характера в результате иной социально-политической ситуации и исторического наследия.

Кроме вышеприведенных слов и выражений с определенной коннотацией, созданию языкового портрета героев служат прямые комментарии. Подобные замечания относительно произношения даются, например, по отношению к представителю российской администрации поручику Зуеву, ср:

Зуев встал свободнее, заговорил без официальности, и в речи сразу проступил севернорусский говор, пожалуй, онежский [КП: 376];

Zujew się rozluźnił, porzucił oficjalny ton, a w jego wypowiedzi dał się słyszeć północnorosyjski akcent – chyba oneski [DP: 428].

Как следует из нижеприведенного материала, подражание севернорусскому говору оказалось тяжелой задачей, и стилизация была осуществлена в другом месте текста, причем в польском варианте трудно говорить о подражании онежскому говору, а вернее всего, об обращении внимания на ненормативность речи или о стилизации на неопределенный говор, ср.:

– Так серьезный господин. Я всегда за руками [у поручика получилось „за рукама”] слежу, привычка. Этот левую из кармана не вынимал. Известно – левша ... С собой культурный, интеллигентный. Одет с иголочки. Бороденка волосок к волоску, еще и маслом смазана. Голос мягкий, тихий [КП: 376];

– Dobrze. Zawsze obserwuję ręce, taki nawyk. Ten zaś nie wyjmował lewej z kieszeni. Wiadomo, mańkut ... Raczej kulturalny, inteligentny. Wyglądał jak spod igły. Bródka równiutko uczesana, w dodatku nasmarowana balsamem, lśni.

– Porucznikowi wyszło „lśny”. Głos łagodny, cichy [DP: 428].

Согласно переводческим правилам такая перестановка вполне возможна, ибо признак второстепенного героя не занимает ключевого места и не влияет непосредственно на ход событий. Подчеркнем, что хотя в творчестве Бориса Акунина, подражающего различным жанрам и стилям, языковой материал занимает особое место, повесть *Куда ж нам плыть?* в этом плане исключительна. Кажется, что по сравнению с другими произведениями о приключениях Эраста Фандорина процентное участие прямых комментариев относительно языка любой нации по отношению к объему текста настолько высокое, что привлекает это внимание читателей.

Прием языковой стилизации способствует перенаправлению ассоциаций в сторону стереотипного представления аудитории о произношении отдельных звуков лицами определенного происхождения, в чем можно убедиться, анализируя следующий фрагмент и его перевод на польский язык. Почтовый служащий Коркин описывает в нем бандитов, хотя он их не видел, опираясь только на особенности их речи, ср.:

– По-русски говорили? Без акцента?

– Да. То есть нет... – Коркин поправился. – По-русски, но с акцентом. Вежливый, наверное, поляк. Твердое „л” проглатывал. А второй кавказец. Басистый. Но этот мало говорил. Только „Нэт”, „Сделаю” и „Хорошо”. Поляк главный был. Ах да. Еще он много заикался. Как вы [КП: 363];

– Rozmawiali po rosyjsku? Bez akcentu?

– Tak. To znaczy nie... Korkin się poprawił. – Po rosyjsku, ale z akcentem. Ten uprzejmy to chyba Polak. Połykał twarde „l”. A drugi pochodził z Kaukazu. Mówił basem. Ale niewiele. Tylko „Ne”, „Zrobe” i „Dobrze”. Dowodził Polak. Trochę się też zacinał. Jak pan [DP: 412].

Речь охарактеризована с помощью отражения в тексте типичных для поляков трудностей при произношении /л/, а также проблем, связанных с сохранением мягкости согласных перед /е/. Можно в этот момент сослаться на лингвоментальные стереотипы В. Хлебды во всех трех их аспектах: формальном, когнитивном и прагматическом. Лингвоментальные стереотипы связаны 1) с внешней, графической сторо-

ной элемента, 2) со значением и традиционными культурно обусловленными суждениями, убеждениями и представлениями, а также 3) со способностью направлять человеческие реакции и действия [Chlebda 1998: 37].

С перспективы переводчика важно, что в этом конкретном фрагменте стилизация проходит не на одном уровне. Первый из них связан с тем, что, как оказывается в ходе расследования, убийца был только один, а не, как следовало из первого допроса, — двое. Значит, авторская стилизация была предназначена не только для читателей, но также для персонажей из вымышленного мира. Со следующим уровнем сталкивается только переводчик, поскольку его стилизация должна быть достоверной и убедительной также для читателей из другого культурного круга и обеспечивать два упомянутых аспекта восприятия. Отметим, что имеющиеся в тексте комментарии облегчают задачу, потому что объясняют ситуацию даже читателю, не ориентирующемуся в языковых просодических нюансах.

Несколько приведенных примеров позволило убедиться в том, что в каждом отдельном случае переводчик должен с особой осторожностью подходить к элементам, обладающим коннотациями культурного характера. В литературе, как утверждает Т. А. Казакова,

несовпадение художественных импликатур в условиях культурного различия может зависеть от многих причин, в том числе от опыта, возраста, образования, национального характера, меры близости культур, общей или частной установки получателя текста [Казакова 2006: 105].

В процессе перевода любого художественного произведения переводчик должен учитывать все эти параметры, подбирая соответствующий языковой материал, однако это сложно в условиях сопоставления с инокультурной аудиторией. Роль посредника очень трудная, поскольку языковые единицы другого языка несут другие коннотации, контекстуальное окружение (узкое или широкое) может изменять внутренний смысл и не всегда возможно достигнуть удовлетворяющего эффекта в восприятии.

Библиография

Источники

- А к у н и н Б. 2016. *Куда ж нам плыть?*, [в:] Его же. *Планета вода*, Москва: „Захаров“.
- A k u n i n B. 2016. *Dokąd płyniemy?*, [в:] Tegoż. *Planeta woda*. Przeł. A. Okuniewska-Stronka, Warszawa: Świat Książki.

Литература

- К а з а к о в а Т. 2006. *Художественный перевод: в поисках истины*, Санкт-Петербург: Издательство СПбГУ.
- Т е л и я В. Н. 1996. *Русская фразеология*, Москва: Школа „Языки русской культуры“.
- C h l e b d a W. 1998, *Stereotyp jako jedność języka, myślenia i działania*, [в:] *Język a kultura. Stereotyp jako przedmiot lingwistyki*. Red. J. Anusiewicz, J. Bartmiński, t. 12, Wrocław: Towarzystwo Przyjaciół Polonistyki Wrocławskiej, s. 31–41.
- L e w i c k i R. 1986. *Przekład wobec zjawisk podstandardowych. Na materiale polskich przekładów współczesnej prozy rosyjskiej*, Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- L e w i c k i R. 2000. *Obcość w odbiorze przekładu*, Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- U r b a n e k D. 2004. *Pęknięte lustro. Tendencje w teorii i praktyce przekładu na tle myśli humanistycznej*, Warszawa: Wydawnictwo Trio, Instytut Rusycystyki Uniwersytetu Warszawskiego.
- W o j t a s i e w i c z O. 1996. *Wstęp do teorii tłumaczenia*, Warszawa: Wydawnictwo TEPIS.

Список сокращений используемых источников

<i>Куда ж нам плыть?</i>	–	[КП]
<i>Dokąd płyniętu?</i>	–	[DP]

